

О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики

О.А. Степанов

профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук. Адрес: 117218 Российская Федерация, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34. E-mail: o_stepanov@hotmail.ru

Аннотация

В статье анализируется феномен конкретизации права в условиях цифровизации. На примере проблемы противодействия терроризму с использованием информационно-телекоммуникационных сетей показано значение конкретизации в современных условиях. Автор рассматривает конкретизацию в качестве инструмента совершенствования правового регулирования в условиях цифровизации. Обращено внимание на то, что потребность в конкретизации правовых норм в современных условиях обусловлена их специализацией, предполагающей учет технологических особенностей цифровизации, а уровень и характер теоретического осмысления данного феномена отстает от существующих потребностей юридической практики, процессов обновления правовой материи. В статье указывается, что проблема конкретизации права применительно к сфере цифровизации сетей и технологий, связанная с противодействием терроризму в должной мере не изучена ни на теоретическом, ни на практическом уровне, хотя переход на электронное управление технологическими процессами в производстве, по мнению российских и зарубежных экспертов, являются предпосылкой для осуществления террористических актов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. При этом значительная часть интернет-сервисов в настоящее время взаимозависима, поскольку «облачные» технологии допускают наличие распределенных между различными юрисдикциями вычислительных мощностей, т.е. современный интернет-сервис составляет архитектурно распределенную по нескольким юрисдикциям систему правовых отношений, в рамках которых пользователи такого интернет-сервиса относятся к различным юрисдикциям. В качестве перспективного инструмента конкретизации рассматривается нормативное программирование. Отмечается, что конкретизация призвана придавать праву максимальную определенность в процессе правоприменительной деятельности на основе использования методологии концепции «минимума контактов» и риск-ориентированного подхода, а также мониторинга законодательства с применением искусственного интеллекта.

Ключевые слова

цифровизация, конкретизация права, терроризм с использованием телекоммуникационных сетей, нормативное программирование, концепция «минимума контактов», риск-ориентированный подход, мониторинг, искусственный интеллект.

Библиографическое описание: Степанов О. А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4–23.

JEL:K00; УДК: 340 DOI:

Цифровизация сетей и технологических процессов — это не только один из векторов общественного развития, а руководство к действию, обусловленное очевидной необходимостью совершенствования правового регулирования в цифровую эпоху. Абстрактность, оценочный характер многих понятий и технико-юридических средств в условиях объективной потребности расширения сферы правового регулирования обуславливают необходимость разработки новых идей. Конкретизация права выступает одним из распространенных технико-юридических методов корректирующего воздействия на содержание и реализацию норм права в целом и вполне может рассматриваться в качестве инструмента совершенствования правового регулирования в условиях цифровизации.

Поскольку в правовом пространстве России действуют, как правило, правовые нормы общего характера, потребность в конкретизации их содержания в современных условиях обусловлена необходимостью учета технологических особенностей цифровизации. Вместе с тем нынешний уровень и характер теоретического осмысления данного феномена отстают от потребностей юридической практики, процессов обновления правовой материи. Так, в должной мере проблема конкретизации права применительно к сфере цифровизации сетей и технологий, связанная с противодействием терроризму, пока не изучена ни на теоретическом, ни на практическом уровне.

Вполне закономерно, что понятие конкретизации производно от понятия «конкретное», которое является парной категорией «абстрактного». Между тем Н.А. Власенко определяет конкретизацию как объективное свойство правового регулирования, заключающееся в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности¹. На это важно обращать внимание в рамках осуществления анализа цифровизации таких жизненно важных областей деятельности общества, как связь, энергетика, транспорт, финансовая и банковская сферы, оборона и национальная безопасность, работа министерств и ведомств.

Переход на электронное управление технологическими процессами в производстве, по мнению российских и зарубежных экспертов, является предпосылкой террористических действий с использованием информации

¹ Власенко Н.А. Методологические основы исследования конкретизации в праве // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX международной конференции. М., 2015. С. 71–72.

онно-телекоммуникационных сетей. По оценкам ФСБ России, подготовка всех террористических атак на территории России в 2017 году координировалась через мессенджеры².

Некоторые исследователи полагают, что такие действия вполне объективно подпадают под ст. 205 УК РФ, в соответствии с которой «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями», т.е. террористические деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей носят характер «иных действий», что является достаточным для правовой квалификации таких действий.

При рассмотрении конкретизации как фактора придания праву (в субъективном смысле) максимальной определенности в процессе правоприменительной деятельности, следует обратить внимание и на систему взглядов на угрозы в сфере компьютерной информации. Так, согласно ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» меры по защите информации должны быть, прежде всего, направлены на нейтрализацию угроз, связанных с неправомерным доступом, уничтожением, модификацией, блокированием, копированием, предоставлением, распространением информации. Между тем уголовно-правовая классификация источников угроз и их проявлений по большей мере соотносится с требованиями ст. 272–274 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющими следующие составы преступлений: неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ; нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

С принятием Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», которым вводятся такие понятия, как государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ, компьютерная атака, компьютерный инцидент, критическая информационная инфраструктура РФ, силы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, средства обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий ком-

---

² [Электронный ресурс]: // URL: <http://newshappens.ru/1418468-n2vse-gotovivshiesya-v-rossii-terakty-v-2017-godu-koordinirovalis-cherez-messendzhery-zayavil-direktor-fsb/> (дата обращения: 20.06.2018)

пьютерных атак, названные выше меры также призваны получить соответствующее осмысление с точки зрения их конкретизации.

В связи с этим уместно вспомнить, что А.Ф. Ноздрачев определяет конкретизацию как родовое понятие, означающее установление предписаний, разъясняющих или развивающих исходные нормы законов и подзаконных актов, и направленное на такую регламентацию общественных отношений, при которой достигается полнота регулирования, единство правового опосредования общественных отношений определенного вида³. Важно иметь в виду и то, что при обнаружении в сети Интернет информации террористического характера наиболее принципиальным вопросом является вопрос об определении субъекта, который является ее источником. В Китае, например, все пользователи Интернета обязаны идентифицировать себя с предъявлением удостоверения личности. Их данные фиксируются с указанием используемого компьютера и проведенного в сети времени. Указанная информация хранится несколько недель и направляется по запросу в компетентные государственные органы.

В России обязательная регистрация таких пользователей отсутствует, но законодательство предусматривает обязательность указания информации о владельцах сайтов. В связи с этим многими сайтами вводится требование идентификации пользователей с помощью процедуры «регистрация/авторизация». Однако проблема использования подобного механизма заключается в том, что информация о пользователе указывается лишь им самим, без верификации.

Поскольку конкретизация представляет собой свойство правового регулирования, то следует согласиться с М.В. Запоило, что толкование и конкретизация — это нетождественные понятия: толкование юридической нормы необходимо предшествует ее дальнейшей конкретизации⁴. Данное замечание актуально в свете обобщения практики рассмотрения дел о терроризме Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 9.02. 2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» установил, что вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращение к группе лиц в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях; распространение листовок; вывешивание плакатов; размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях

³ Ноздрачев А.Ф. Нормативные акты министерств и ведомств СССР: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1968. С. 14; Он же. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 12. М., 1968. С. 73.

⁴ Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 41–49.

общего пользования, включая Интернет, например на сайтах, форумах или в блогах; распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений и т.п.).

Н.А. Гредескул обратил внимание на то, что реальной целью и истинной функцией суда является распознавание права, а именно, распознавание *in concreto*. «...Распознавание права *in concreto* есть особая и в высшей степени важная фаза в жизни права ... это критический этап на пути права от отвлеченной формулы к его практическому осуществлению или воплощению в жизнь»⁵. Так, опыт США, Польши, Израиля, где судебные органы также наделены полномочиями контроля над обеспечением безопасности в информационной сфере, показывает, что трудность обнаружения и ликвидации сетевых центров (серверов, доменов, веб-сайтов) террористических групп обусловлена особенностями технической организации Интернета, позволяющими регистрировать доменные имена сайта в одной стране, а размещать информацию в другой. Кроме того, значительная часть интернет-сервисов в настоящее время взаимозависима, поскольку «облачные» технологии допускают наличие распределенных между различными юрисдикциями вычислительных мощностей, т.е. интернет-сервис, основанный на современных информационно-телекоммуникационных технологиях, представляет архитектурно распределенную по нескольким юрисдикциям систему правовых отношений. При этом пользователи, взаимодействующие в рамках такого интернет-сервиса, относятся к различным юрисдикциям.

С учетом этого необходимо выделить позицию А.Ф. Черданцева, который считает, что «конкретизация в правоприменении состоит в индивидуализации — переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера, относящегося к индивидуальным (единичным), персонально определенным субъектам как участникам конкретного отношения, действующим в конкретной ситуации»⁶. При этом он связывает конкретизацию с природой общих и абстрактных норм, реализация которых без конкретизации (детализации) затруднена⁷.

При определении сферы действия закона в литературе, законодательстве и международной практике используется понятие «юрисдикция» (от лат. «судопроизводство»), под которым обычно понимаются полномочия, посредством которых судьи и должностные лица правоохранительных ведомств принимают к рассмотрению и решают дела. Это понятие весьма важно для понимания сферы действия права. В общей теории права катего-

---

⁵ Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков, 1906. С. 15–16.

⁶ Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права / Применение советского права. Вып. 30. Свердловск. 1974. С. 35.

⁷ Там же. С. 21–22.

рия юрисдикции, как правило, используется для обозначения компетенции, подведомственности, подсудности или круга дел, на которые распространяются полномочия государства, т.е. юрисдикция обозначает сферу действия государственной власти.

С системных позиций проблема определения юрисдикции предполагает рассмотрение вопросов о том, в рамках каких конкретных отношений находится местоположение серверов, а также о том, каким образом организована адресация и маршрутизация информации (через какие юрисдикции она проходит при передаче данных, в каких юрисдикциях к ней возможен доступ и в какой форме). Например, информация террористического характера может быть размещена на интернет-сервисе, который можно однозначно отнести к одной юрисдикции, а выражена на языке, который не имеет государственного статуса, используемого в рамках данной юрисдикции. Такой сервис следует скорее рассматривать как ориентированный на аудиторию, для которой данный язык является основным. С учетом этого требуется определить, чье законодательство, в какой степени и с какими последствиями может применяться к пользователю такого интернет-сервиса.

Между тем сущность правовой проблемы определения юрисдикционной деятельности заключается в том, что архитектура глобальной информационно-телекоммуникационной сети предполагает международный характер взаимодействия. Это обуславливает трудности определения применимого права, связанные как с местом разрешения спора и иными обстоятельствами юридического характера в Интернете, так и с обязанностями субъектов перед регулирующими органами.

С точки зрения общей теории права, решение данной проблемы допускает возможность экстерриториальности правовых норм применительно к контенту интернет-сайта, ориентированного на аудиторию, состоящую из населения иного государства. При этом понятие «иностраный элемент» может интерпретироваться расширительно в части возможности применения права одной правовой системы к отношениям, в которых один или более субъектов относятся к другой правовой системе. Особое значение это обстоятельство имеет при разрешении вопросов о юридической ответственности за действия террористического характера. Однако современное правовое регулирование, а равно его судебная и доктринальная интерпретации не позволяют говорить о перспективах совершенствования такой деятельности в условиях цифровизации с учетом компетенции органов, осуществляющих уголовное преследование, на основании которых такое преследование осуществляется в различных странах. При этом оперативная коммуникация между этими органами выходит на новый уровень.

В качестве перспективной организационной формы такой коммуникации допустимо рассматривать нормативное программирование, связанное

с разработкой символично-цифровых конструкций, обеспечивающих развитие правовой гармонизации на международном уровне.

Такая гармонизация предполагает универсализацию средств правовой регуляции в рамках процесса действия права. Поскольку с информационной точки зрения процессы действия права характеризуются получением, передачей, переработкой и использованием информации, идея такой универсализации может быть интерпретирована на основе кибернетической модели «черного ящика», которая предполагает выделение сигналов, подаваемых на «вход системы» с одновременной фиксацией эффектов на «выходе» из нее. При этом вне рамок анализа остается рассмотрение процессов, протекающих внутри самой модели, т.е. без проникновения в глубинную суть таких процессов допускается возможность получения сведений лишь о конкретных последствиях внешних воздействий. Подавая на «вход» правовую информацию, мы фиксируем на «выходе» конечный эффект ее реализации в обществе, отвлекаясь от процесса установления правовых отношений. Применение такого подхода при решении проблемы конкретизации средств правовой регуляции вполне возможно, так как в юридической норме заложена информационная модель поведения субъектов права, которая проявляется в индивидуальном поведении в качестве социальной программы, обеспечивающей отождествление индивидуальных и общественных ценностей.

В рассматриваемом случае не потеряла актуальности позиция К. Маркса: «Если вы отрицаете различие существенно различных видов одного и того же преступления, то вы отрицаете самое преступление, как нечто отличное от права, вы уничтожаете самое право, ибо всякое преступление имеет одну общую сторону с правом»⁸.

Поскольку норма сообщает своим адресатам, что требует от них право, то важно знать, что в процессе действия права (как в процессе движения информации) можно выделить генераторов (законодатели, разработчики) и рецепторов (физические и юридические лица) устанавливающих, воспринимающих и перерабатывающих правовую информацию, которая призвана оказывать информационное воздействие, направленное на ее сознание личности и усвоение ее конкретных правовых программ действия.

Развитие идеи нормативного программирования через призму конкретизации права допустимо связывать с разработкой новых нормативных конструкций, которые способны активизировать интегративные возможности национальных правовых систем. Если исходить из того, что такие возможности позволяют глубже оценивать ситуацию, то характер сближения национальных правовых систем может определяться как вертикальными (рецепция принципов, норм, исключаящая прежние правовые ориентиры), так

---

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага / Соч. Т. 1. М., 2014. С. 136.

и горизонтальными (изложение одних и тех же предписаний по-разному) и временными (адаптация к изменениям, нововведениям) рамками. При чем соотношение вертикальных и горизонтальных взаимодействий в существенной мере определяется именно временным фактором — такие взаимодействия могут реализоваться не только в течение коротких интервалов времени, но и за относительно большие временные периоды⁹. В связи с этим возможно возникновение противоречия между требованиями стабильности и гибкости форм данного взаимодействия.

С одной стороны, важно сохранение на более длительном интервале времени структурных пропорций вертикального и горизонтального взаимодействия, а с другой необходимо обеспечение гибкости параметров регулирования, позволяющих должным образом стимулировать мотивацию субъектов права через использование нововведений. Необходимо обеспечить разумное сочетание вертикальных и горизонтальных начал взаимодействия национальных правовых систем, позволяющее увязывать макроцели правового регулирования с воздействием на поведение конкретных субъектов права.

Вместе с тем один из узловых теоретических вопросов заключается в установлении того, насколько предполагаемые тенденции развития права могут определяться особенностями национальных правовых систем в условиях использования возможностей современных механизмов социальной коммуникации в рамках сетевого информационно-электронного пространства. Результаты такого рода могут быть связаны с эволюцией права, которая предполагает обретение нормами новых качеств, обеспечивающих развитие процессуальных связей между национальными правовыми системами в условиях использования современных механизмов социальной коммуникации.

Интеграция политической и экономической жизни, обусловленная цифровизацией, делает все более очевидной необходимость наполнения национальных правовых систем стандартами, призванными естественным образом приобретать иную степень совместимости в рамках формирования макросреды правового регулирования. В настоящее время правовые установления в различных правовых системах по большей мере сформулированы на разных языках, используют разную юридическую технику и создаются для общества разными структурами. Однако процесс цифровизации общественной практики предполагает включение компонентов отдельных правовых систем в более сложную наднациональную систему. В данном случае именно специфика «наднационального» фактора в нормооценке критически важных событий призвана наложить отпечаток универсализации на

---

⁹ Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 125.

правовые системы отдельных стран. Поскольку нормооценка осуществляется с позиций упорядоченности, организованности социальных отношений на основе логики долженствования, то такая преемственность может выражаться в принятии (или осуществлении через принятие) более совершенных правовых образцов функционирования национальных правовых систем.

Сама по себе правовая информация является инвариантной: одно и то же содержание может быть выражено разными способами, например, запрет на совершение определенных действий — словами или дорожным знаком (при условии знания символики восприятие и понимание права от этого не страдает). Информационное действие права на сознание человека связано с усвоением им нормативного предписания или нормативной программы поведения.

Благодаря человеческой способности к абстрактному мышлению и превращению абстрактных понятий в конкретные образы нормативное программирование может выражаться и в символично-цифровой (кодовой) системе отражения объективной реальности. С позиций конкретизации права использование такой системы обеспечивает особые возможности при его передаче по каналам связи, в том числе в части оптимизации процессуального взаимодействия правоохранительных органов разных стран.

Различают разные кодовые системы (материальные, идеальные, естественные, искусственные), основанные на речи и письменности. Их применение в общественной практике давно позволяет выражать самые сложные и многообразные по своей структуре явления с помощью простых и понятных большинству сочетаний вне зависимости от языка их общения (например, посредством денежных знаков, фиксирующих вещи как меру стоимости). Применение такого подхода при решении проблемы конкретизации права на международном уровне возможно при введении в юридическую практику категорий «нормообраза действия» (как сигнальной правовой формы) и «правового содержания события» (как ориентирующей правовой формы), призванных обеспечивать международную сопоставимость юридически значимых действий. При этом право будет рассматриваться как явление, в рамках которого символично-цифровой код может ассоциироваться с интегративным результатом нормативного поведения человека, обеспечивая связь различных систем права. С учетом этого нормообразы действия могут быть интерпретированы как выражение функциональных внешних связей субъектов права с использованием информационного кода, отражающего алгоритм действия таких субъектов.

Поскольку любая правовая форма отражает связь права с иными социальными явлениями и позволяет осуществлять их юридическое моделирование, то, выполняя функцию уведомления, подачи сигнала, нормообраз

действия призван вступать в качестве важного компонента всякой нормативной ситуации, к которой причастны как правоохранительные органы различных государств, так и пользователи Интернета. Выполняя функцию уведомления, подачи сигнала, нормообраз призван обеспечивать информационное тождество с лингвистической правовой формой, сохраняя однозначное нормативное содержание события в различных правовых системах.

Разработка кодовых комбинаций до настоящего времени не связывалась с проблемами права. Кодирование предполагает не только преобразование информации. Сохраняя ее количество, код меняет качественную природу сигнального сообщения. При этом код призван нести в себе нормативную информацию, отражающую подобие исходной юридически значимой ситуации. В связи с этим важно соблюдение одного из главных требований кодирования — требования однозначности, согласно которому необходимо обеспечивать, с одной стороны, однозначное соответствие кодового образа фиксируемому образу, а с другой возможность обратного однозначного перехода, т.е. декодирования от кодового образа к действиям.

С учетом данного обстоятельства структура идентификатора нормообраза действия может быть представлена буквенно-цифровым кодом фиксированной длины, который несет в себе и нормативную информацию, отражающую большее или меньшее подобие исходной юридически значимой ситуации и дополнительную информацию о стране-заявителе. Такой идентификатор, в частности, может состоять из трех компонентов: 1) компонент, содержащий сведения о стране и органе-заявителе (два латинских буквенных знака RU, GB, US согласно принятой международной классификации и одну цифру, идентифицирующую орган, который сообщает о событии: 1 — прокуратура, 2 — МВД, 3 — орган национальной безопасности, 4 — другой правоохранительный орган); 2) базовый компонент, который с помощью пяти цифровых знаков (XX. X. XX) характеризует правовое содержание события; 3) цифровой знак подтверждения правильности информации, например, RU1-14.0.01-2 или GB2-15.1.07.-7.

Структура базовой составляющей идентификатора нормообраза действия составляется на основе сочетания трех комплексных показателей: третий комплекс (вид поведения) включает два знака, второй комплекс (группа действия) — три знака, первый комплекс (класс направленности деятельности) включает пять знаков, т.е. каждый следующий комплекс за исключением первого агрегируется непосредственно с предыдущим, дополняя его содержание.

При таком подходе сложные причинно-следственные связи, расчлененные на более простые, обеспечивающие объединение фактов в одной системе через их общую сущность, позволяют отождествлять действия по следам, устанавливая их принадлежность к группе и классу. Например, 14.0.01 (14 —

криминальная деятельность в сфере телекоммуникаций, направленная на нанесение ущерба личности; 0 — действия на национальном уровне; 01 — снятие денежных средств с чужого счета) или 15.1.23 (15 — криминальная деятельность в сфере телекоммуникаций связи; 1 — действия на международном уровне; 23 — блокирование работы информационно-электронных систем, обеспечивающих жизнедеятельность объектов).

Вид поведения определяется сочетанием двух групп цифровых обозначений. Первая цифра в обозначении (0, 1, 2) отражает объект нанесения ущерба: 0 — ущерб, нанесенный личности; 1 — ущерб, нанесенный организации, группе людей; 2 — ущерб, нанесенный обществу, государству. Вторая цифра (0, 1, 2, 3, 4, 5), характеризует нанесенный вред: 0 — нанесение физического, психического, социального вреда; 1 — финансовые, экономические потери; 2 — блокирование, нарушение работы связи, транспорта; 3 — вывод из строя систем безопасности, жизнедеятельности, жизнеобеспечения; 4 — нарушение рабочего цикла, авария энергетических систем; 5 — изменение в режиме функционирования космических объектов, систем вооружения. Например: 01 — ущерб, нанесенный личности, который связан с финансово-экономическими потерями.

Класс направленности криминальной деятельности определяется путем комбинации цифровых обозначений. Например: 14 формируется исходя из 1 (коммуникационные взаимодействия) и 4 (интересы личности), а 15 — из 1 (коммуникационные взаимодействия) и 5 (безопасность общества, государства). К инструментарию для формирования класса направленности криминальной деятельности, вида поведения и уровня базовой составляющей нормообраза действия следует отнести цифровые эквиваленты используемых буквенных обозначений (0; 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9) для расчета знака подтверждения: A=1; B=2; C=3; D=4; E=5; F=6; G=7; H=8; I=9; J=10; K=11; L=12; M=13; N=14; O=15; P=16; Q=17; R=18; S=19; T=20; U=21; V=22; W=23; X=24; Y=25; Z=26).

При этом инструментарий формирования класса направленности криминальной деятельности и уровня базовой составляющей идентификатора нормообраза действия предлагается определять с учетом следующих цифровых обозначений класса направленности криминальной деятельности: 1 — коммуникационные взаимодействия; 2 — научные эксперименты 3 — жизнь, здоровье личности; 4 — интересы личности; 5 — безопасность общества, государства; 6 — терроризм; 7 — наркотики, оружие; 8 — работорговля; 9 — культурное наследие; 0 — иная направленность, а уровень криминальной деятельности: 0 — национальный; 1 — международный.

Кроме того, как отмечено выше, индикатор нормообраза действия в обязательном порядке включает в себя один цифровой знак подтверждения, который размещается после базовой составляющей и отделяется от нее с

помощью тире. Этот знак предназначен для уменьшения ошибок и гарантии целостности буквенно-цифрового кода, составляемого пользователем нормообраза действия.

Вычисление знака подтверждения производится сложением всех цифровых значений каждого из буквенно-цифровых знаков идентификатора. При этом цифровое значение каждого из знаков находится между 0 и 9 для цифровых показателей и между 1 и 26 для буквенных знаков. Если после первой операции при сложении цифр получается двузначное число, то общая сумма должна рассчитываться далее путем сложения оставшихся знаков. В итоге расчета окончательная сумма будет выражена только одной цифрой. Например, знак подтверждения кода RU1-15.1.23. вычисляется следующим образом: 1) первое действие — $18+21+1+15+1+23=79$; 2) второе действие — $7+9=16$; 3) третье действие — $1+6=7$.

С учетом этого идентификатор нормообраза действия имеет следующий вид: RU 1-15.1.23-7, который отражает факт, что прокуратура России выступает в качестве заявителя по поводу криминальных действий, связанных с блокированием работы информационно-электронных систем, обеспечивающих жизнедеятельность объектов на национальном уровне, и это подтверждается.

Информационное действие права в связи с использованием нормообразов допустимо оценивать в рамках их восприятия субъектами права, исходя из того, что «общеидеологическое воздействие права по существу не знает границ»¹⁰ и того, что «поступки людей определяются объективно существующими ценностями человеческого существования, отраженными в психических процессах, протекающих в голове конкретного индивида»¹¹. В данном случае речь идет об учете такого качества права, как его информационная емкость, под которым следует понимать разность между снятой и оставшейся неопределенностью у адресатов права после получения ими правовой информации в виде буквенно-цифровой логики построения правовых конструкций.

Алгоритм разработки нормообразов действия позволяет реализовать субъектам международного взаимодействия свою компетенцию гораздо динамичнее по сравнению с традиционной правовой формой взаимодействия государств. Учет этого обстоятельства при анализе проблемы правовой конкретизации, как отмечалось выше, предполагает введение в юридическую практику наряду с категорией «нормообраза действия» категории «правового содержания события», призванной дополнять содержательный аспект нормообраза действия конкретизирующим информационным аспектом ориентирующего характера.

¹⁰ Гойман В.И. Действие права. М., 1992. С. 108.

¹¹ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 129.

Данная категория обеспечивает отражение качественной окраски действий субъектов права с учетом параметров уровня уязвимости общественной безопасности (низкий, средний, высокий), ранга ущерба здоровью человека (минимальный, существенный, смертельный), а также фактора негативности воздействия на общественные отношения (незначительная, значительная, весьма значительная) и риска повторения угрозы (маловероятный, вероятный, наиболее вероятный).

В данном случае правовое содержание нормообраза RU 1-15.1.23-7 дополняется информацией о событии, которое связано с высоким уровнем уязвимости общественной безопасности, с существенным рангом ущерба здоровью человека, характеризующимся весьма значительным негативным воздействием на общественные отношения и наиболее вероятным риском повторения угрозы для общества.

Практическое использование указанных категорий позволит существенно повысить оперативность таких юридически значимых действий, как сбор и оформление доказательств, производство ареста или исполнение решения суда, допрос свидетелей, подозреваемых, производство обысков, осмотров правоохранительными органами различных стран «за счет придания праву максимальной определенности в процессе правоприменительной деятельности»¹². При этом основная проблема будет сводиться к определению места совершения того или иного правонарушения и к возможности привлечения к юридической ответственности того или иного лица, действовавшего посредством информационно-телекоммуникационных сетей в целях осуществления противоправной деятельности, которое может являться гражданином одного государства (и действовать с его территории), нанося ущерб безопасности другого государства.

На сегодняшний день общепринятые научные подходы к разрешению проблемы определения юрисдикции на уровне национального законодательства отсутствуют. При этом допустимо выделить современную тенденцию, намечающуюся в различных правовых системах и связанную с реализацией концепции «минимума контактов», ориентированной на квазимежгосударственный характер взаимодействия государств в вопросах разграничения их юрисдикции¹³. В рамках реализации этого подхода для применения права какого-либо государства к определенным отношениям, связанным с их использованием, требуется доказать, что деятельность соответствующего субъекта такого правоотношения была направлена на территорию этого государства.

---

¹² Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 92.

¹³ Барнашев А. Экстерриториальная юрисдикция в США: доктрина «минимальных контактов» // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 46–47.

Данный подход вполне пригоден как инструмент противодействия угрозам использования информационно-телекоммуникационных сетей в целях террористической деятельности, поскольку по техническим и экономическим причинам взаимозависимые интернет-сервисы зачастую находятся в различных юрисдикциях. При этом они основаны на распределенных информационно-телекоммуникационных технологиях, обеспечивающих возможность трансграничного взаимодействия широкого круга пользователей. В качестве же минимальных контактов, необходимых для установления юрисдикции, признается наличие электронных коммуникаций между сторонами. Высокая степень интенсивности контактов демонстрирует ориентированность деятельности ответчика на государство, суд которого рассматривает дело; за основу берется не закон государства, в котором находится ответчик, а фактическая связь рассматриваемого отношения с правопорядком государства суда.

Поскольку в качестве одного из определяющих признаков терроризма по большей части называют именно незаконное насилие, то это позволяет рассматривать террористический акт как преступление, совершаемое конкретными лицами на основании личного преступного побуждения. Данное обстоятельство предполагает сосредоточение внимания на возможности наказания лиц, осуществивших такую деятельность. Поэтому стратегия противодействия терроризму должна базироваться на идее того, что в глобальной системе цифровых отношений обеспечить безопасность силами отдельно взятого государства невозможно. При этом нормативный акт может эффективно применяться только если в его основу положены ценностные ориентации (нормы деятельности и поведения). Вместе с тем, Н.Н. Вопленко указывает, что конкретизацию в процессе правоприменения прежде всего необходимо рассматривать через призму толкования права¹⁴.

Формирование на международной арене универсальных (с точки зрения наступления ответственности) юридических конструкций, предполагающих неотвратимость и суровость наказания лиц, причастных к использованию информационно-телекоммуникационных сетей в целях террористической деятельности, вполне может опираться на опыт реализации концепции «минимума контактов».

Поскольку реализация данной концепции связана с отношением «*субъект — объект*», то при разработке нового подхода противодействию угрозам использования информационно-телекоммуникационных сетей в целях осуществления террористической деятельности не менее важным является отношение «*субъект — субъекты*». При этом национальные и международные уголовно-правовые средства противодействия террористической деятельности важно рассматривать в их единстве и взаимосвязи.

---

¹⁴ Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 20–21.

Исходя из комплексного характера проблемы отношений «*субъект — субъекты*», в качестве перспективной составляющей методологии соответствующего научного подхода допустимо использовать методологию *риск-ориентированного* подхода¹⁵, связанного с организацией и осуществлением соответствующими субъектами государственного контроля (надзора) исходя из отнесения объекта информационной инфраструктуры к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности. При этом применение риск-ориентированного подхода предполагает выявление, анализ и прогнозирование террористических опасностей, оценку риска и возможных масштабов последствий терактов на наиболее значимых (опасных) объектах для оптимизации необходимых организационно-технических мер предупреждения терактов, недопущения угроз их осуществления.

В рамках ориентации на использование методов риск-ориентированного подхода в качестве основных функциональных задач важно рассматривать анализ и прогнозирование опасностей финансирования терроризма, а также оценку возможных масштабов последствий такой деятельности. Исходя из межсистемного характера отношений «*субъект — объект — субъекты*», речь может идти об интегральном подходе противодействия угрозам использования информационно-телекоммуникационных сетей в целях террористической деятельности.

Применение такого подхода позволяет с позиций конкретизации права учитывать различные отношения, обуславливающие многообразие возможных вариантов событий, связанных с объектом. Кроме того, интегральный подход допускает объединение в себе различных точек зрения на объект анализа в целях его целостного, разностороннего представления. При этом реализация конкретизации права происходит в процессе толкования, в частности, путем нормативного разъяснения правовых предписаний¹⁶.

Составные части интегрального подхода на основе объединенной методологии концепции «*минимума контактов*» и *риск-ориентированного* подхода, являются уже не простой совокупностью методов — они охватываются общей идеей конкретизации права, позволяющей представлять взаимосвязь и взаимозависимость элементов системы «*субъект — объект — субъекты*» при анализе и локализации событий, связанных с террористическим воздействием на объект.

В.В. Ершов разграничивает конкретизацию права как процесс выработки на основе абстрактного, менее определенного права более конкретного и определенного права¹⁷, но, по мнению Н.А. Власенко, оценочные поня-

¹⁵ [Электронный ресурс]: // URL: <http://xn----8sbmmlgncfbgqis7m.xn--plai/news/risk-orientirovannyy-podkhod-menyat-sistemu-goskontrolya/> (дата обращения: 20.06.2018)

¹⁶ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 120.

¹⁷ Ершов В.В. Конкретизация права / Конкретизация права: теоретические и практические проблемы... С. 47.

тия обобщают в себе лишь типичные признаки правозначимых явлений с расчетом на то, что в процессе применения их содержание раскроют сами субъекты (правоприменители) с учетом особенностей ситуаций¹⁸. Поэтому интегральный подход с инструментальной точки зрения можно охарактеризовать не только как действенный инструмент оценки угроз использования информационно-телекоммуникационных сетей в террористических целях, но и оценки действующего уголовного законодательства на предмет охвата составами содержащихся в нем деяний, связанных с обнаружением, предупреждением и ликвидацией последствий компьютерных атак террористического характера.

Таким образом, реализация интегрального подхода, ориентированная на установление механизмов взаимосвязи *субъекта — объекта — субъектов*, направлена на разработку и реализацию функционально обоснованных для конкретного *объекта* террористического воздействия рекомендаций и мероприятий, связанных с уменьшением уровня риска его безопасности. При этом, если конкретизацию права рассматривать как свойство правового регулирования, то управление таким риском призвано опираться на нормативную базу, определяющую правила функционирования *объекта*. Как отметил на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2016 году его основатель и президент немецкий экономист К. Шваб, «индустрия 4.0 представляет собой серьезный вызов международному сообществу. Эта очередная технологическая революция изменит цепочку создания прибавочной стоимости, исчезнут многие традиционные отрасли экономики, и компании по всему миру должны быть к этому готовы»¹⁹.

Концепция четвертой промышленной революции связана с внедрением «киберфизических систем» в заводские процессы, что приведет к слиянию технологий и размоет границы между физической, цифровой и биологической сферами. Основными факторами изменений станут «облачные» технологии, развитие способов сбора и анализа информации. В этих условиях к правовым реформам принуждает не столько необходимость улучшения правовой системы, сколько угроза общественной безопасности. Важнейшую роль при этом призваны играть такие правовые факторы, как состояние правового регулирования, качество отдельных правовых норм, действенность юридических санкций и др., среди которых определяющие значение имеют: степень соответствия правовых норм общественным отношениям, интересам и потребностям общества; полнота урегулирования общественных отношений; степень ясности, четкости, доступности правовых предписаний; наличие (отсутствие) противоречий между нормами права и морали.

¹⁸ Власенко Н.А. Неопределенность как позитивное свойство права / Судебное правоприменение: проблемы теории и практики. М., 2007. С. 43.

¹⁹ [Электронный ресурс]: // URL: <http://digital-russia.rbc.ru> (дата обращения: 25.06.2018)

С позиций осуществления конкретизации права заметим, что анализ прямой и обратной информационной связи между законодателем и исполнителями закона, призванный выявлять погрешности законодателя, ошибки правоприменителя и создавать условия для защиты достоинства человека, его прав и свобод, тесно связан с мониторингом права.

В условиях развития «цифровой» экономики нельзя не обратить внимания на то, что серьезный потенциал заложен в использовании нейросетевых технологий, которые определяют новые перспективы в модернизации правовых актов. Использование потенциала нейросетевых технологий позволит в рамках мониторинга права не только учитывать потребности обеспечения безопасности общественной практики при разработке правовых положений, но и откроет новые возможности для модернизации нормативной правовой базы, в рамках которой следует учитывать различные риски в достижении целевых индикаторов правоохранительной деятельности.

Человек и компьютер как самостоятельные явления, дополняя друг друга и разделяя между собой нагрузку, могут образовывать высокопродуктивную систему, которая способна вырабатывать решения не в обычном 4–5-мерном человеческом пространстве, а в 400–500-мерном пространстве в течение короткого промежутка времени. Необходимость такого мониторинга в условиях построения «цифровой» экономики остро чувствуется в процессе его реализации в правоприменительной практике. При этом мониторинг права может рассматриваться и как инструмент постоянного отслеживания всего жизненного цикла нормативного правового акта.

Если в качестве субъектов мониторинга права рассматривать сотрудников правоохраны, то такой мониторинг будет связан с их деятельностью по сбору, обобщению и анализу информации о состоянии и практике применения нормативных правовых актов, регулирующих сферу функционирования правоохранительных органов, с целью оценки эффективности их реализации и выработки предложений по ее совершенствованию. Такой мониторинг может рассматриваться как инструмент постоянного отслеживания всего жизненного цикла нормативного правового акта. При этом вполне допустима постановка вопроса о реализации государством возможности возврата итогов правового регулирования (сведений о его результативности) по каналам обратной связи в сферу правотворчества.

Следовательно, в рамках мониторинга права допустимо вести речь о цикличности правового регулирования, которая схематично сводится к ряду стадий, характеризующих содержание правового регулирования. Так, на первой стадии с привлечением возможностей искусственного интеллекта должно оцениваться фактическое состояние правового регулирования, на второй — устанавливаться цели правового регулирования, определяющие параметры развития цифровизации общественной практики, на третьей —

осуществляться корректировка нормативных положений с учетом результатов указанного развития, т.е. обеспечиваться анализ результатов такого развития и определяться новые цели правового регулирования²⁰. В силу этого цикл правового регулирования может характеризоваться как система взаимосвязанных процессов.

Использование возможностей нейросетевой системы в рамках решения проблемы конкретизации права позволит своевременно выявлять пробелы в правовом регулировании и моделировать предложения по их возможному устранению, т.е. по сути адресно формировать правотворческую инициативу и правовую политику в области правового регулирования правоохранительной деятельности в «цифровую» эпоху.

Библиография

Барнашев А. Экстерриториальная юрисдикция в США: доктрина «минимальных контактов» // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 46–47.

Власенко Н.А. Неопределенность как позитивное свойство права / Судебное правоприменение: проблемы теории и практики: Сборник статей. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2007. С. 42–53.

Власенко Н.А. Методологические основы исследования конкретизации в праве / Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX международной конференции. М.: Изд-во РГУП, 2015. С. 71–72.

Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М.: Юрид. лит., 1976. 118 с.

Гойман В.И. Действие права. М.: Академия МВД России, 1992. 182 с.

Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков: Брейтигам, 1906. 53 с.

Ершов В.В. Конкретизация права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы. Материалы IX Международной конференции. М.: Изд-во РГУП, 2015. С. 38–51.

Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 41–49.

Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 190 с.

Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.

Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1982. 144 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага. Соч. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 135–158.

Ноздрачев А.Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 12. М., 1968. С. 71–86.

Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат, 1962. 166 с.

²⁰ Там же. С. 46–47.

Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: Сборник. Вып. 30. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1974. С. 15–37.

On Concretization of Law in Conditions of Digitalization of Public Practice

Oleg A. Stepanov

Professor, Chief Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences. Address: 34 Bol'shaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation. E-mail: o_stepanov@hotmail.ru

Abstract

The article analyzes the phenomenon of concretization of law in the conditions of digitalization. An example of the problem of countering terrorism with the use of telecommunications networks shows the significance of concretization in modern conditions. The author considers concretization as a tool for improving legal regulation in conditions of digitalization. Attention is drawn to the fact that the need for concretization of legal norms in modern conditions is conditioned by their specialization, which takes into account the technological features of digitalization, and the level and nature of the theoretical comprehension of this phenomenon lags behind the existing needs of legal practice, the processes of updating legal matter. The article points out that the problem of specifying the law with regard to the sphere of digitalization of networks and technologies related to counteracting terrorism has not been adequately studied at either the theoretical or the practical level, although the transition to electronic management of technological processes in production, according to Russian and foreign experts, are a prerequisite for the implementation of terrorist activities using information and telecommunications networks. At the same time, a significant part of Internet services are now interdependent, because “cloud” technologies allow the availability of distributed computing powers between different jurisdictions, i.e. the modern Internet service represents the system of legal relations, architecturally distributed across several jurisdictions, within the framework of which the users of such Internet service belong to different jurisdictions. Regulatory programming is considered as a promising tool for specifying. It is noted that the specification is intended to give the law maximum certainty in the process of law enforcement activities on the basis of the methodology of the concept of “minimum contacts” and a risk-oriented approach and monitoring of legislation using artificial intelligence.

Keywords

digitalization, the specification of law, terrorism using telecommunications networks, normative programming, the concept of “minimum contacts”, a risk-oriented approach, monitoring, artificial intelligence.

Citation: Stepanov O.A. (2018) On Concretization of Law in Conditions of Digitalization of Public Practice. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 4–23 (in Russian)

DOI:

References

- Barnashev A. (2000) Eksterritorial'naya yurisdiksiya v SShA: doktrina «minimal'nykh kontaktov» [Extraterritorial Jurisdiction in the US: the Doctrine of "Minimal Contacts"]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no 5, pp. 46–47.
- Cherdantsev A.F. (1974) Pravovoe regulirovanie i konkretizatsiya prava [Legal Regulation and Specification of Law]. *Primenenie sovetskogo prava* [Application of Soviet Law], vol. 30, pp. 21–22, 35 (in Russian)
- Ershov V.V. (2015) Konkretizatsiya prava [Concretization of Law]. *Konkretizatsiya prava: teoreticheskie i prakticheskie problemy*. Materialy IX Mezhdunarodnoy konferentsii [Concretization of Law: Theoretical and Practical Issues. Papers of the IX International Conference] Moscow: RPMU Press, p. 47 (in Russian)
- Goyman V.I. (1992) *Deystvie prava* [Action of Law]. Moscow: Academy of Internal Ministry, 182 p. (in Russian)
- Gredeskul N.A. [1906] *Sovremennye voprosy prava* [Modern Issues of Law]. Kharkov: Braitygam, pp. 15–16 (in Russian)
- Kudryavtsev Yu.V. (1981) *Normy prava kak sotsial'naya informatsiya* [Norms of Law as Social Information]. Moscow: Juridicheskaya literatura, 125 p. (in Russian)
- Lazarev V.V. (1982) *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty primeneniya prava* [Socio-Psychological Aspects of the Application of Law]. Kazan: University, 144 p. (in Russian)
- Marx K., Engels F. (2014) *Debaty v shestom reinskome landtage*. Soch. T.1. [The Debates at 6th Rhine Landtag. Collection of Essays. Vol.1]. Moscow: Direct-Media, p. 136 (in Russian)
- Nozdrachev A.F. (1968) *Normativnye akty ministerstv i vedomstv SSSR: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Normative Acts of the Ministries and Departments of the USSR. Candidate of Juridical Sciences Thesis Summary]. Moscow, p. 14.
- Pigolkin A.S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of Normative Acts in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat, 120 p. (in Russian)
- Vlasenko N.A. (2007) Neopredelennost' kak pozitivnoe svoystvo prava [Uncertainty as a Positive Property of Law]. *Sudebnoe pravoprimeneniye: problemy teorii i praktiki: Sbornik statey* [Judicial Enforcement: Issues of Theory and Practice. Collection of Essays]. Moscow: RGUP Press, p. 43 (in Russian)
- Vlasenko N.A. (2015) Metodologicheskie osnovy issledovaniya konkretizatsii v prave [Methodological Bases of Study in Concretization in Law]. *Konkretizatsiya prava: teoreticheskie i prakticheskie problemy...* [Concretization of Law: Theoretical and Practical Issues...]. Ivanovo: University, pp. 71–72.
- Voplenko N.N. (1976) *Ofitsial'noe tolkovanie norm prava* [Official Interpretation of Legal Norms]. Moscow: Juridicheskaya literatura, pp. 20–21 (in Russian)
- Zaloilo M.V. (2011) Razvitiye otechestvennoy yuridicheskoy mysli o konkretizatsii v prave [Development of National Legal Thought about Specification in Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 6, pp. 41–49.
- Zeyder N.B. (1966) *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [Judgment in Civil Matters]. Moscow: Juridicheskaya literatura, 92 p. (in Russian)